

Трудный Моцарт

Редкий московский концерт
Валерия Афанасьева

Впервые за последние годы пианист Валерий Афанасьев (он давно живет во Франции) дал сольный концерт в Москве. Исполняя программу из сочинений Моцарта в Большом зале консерватории, Афанасьев сумел вызвать в зале переживание апокалиптического шока и полностью подавить слушателя музыкой «жизнерадостного гения».

Москва - 2001 - 10 окт - 98

Михаил ЖИРМУНСКИЙ

Для того чтобы сладко порхающий Моцарт зазвучал столь трагично, что его музыка, казалось, способна была обрушить мир, Валерию Афанасьеву не пришлось ничего выдумывать. Наоборот, он тщательно передал все фактурные особенности музыки Моцарта, ее кажущееся современному уху некоторое однообразие. Темпы у Афанасьева монотонные — без принятого контраста между быстрым и медленным, звук динамически усредненный, лишь с изредка обрушивающимся форте. Афанасьеву чужда и забота о красоте, мягкости и переливчатости звучания, ставшая чуть ли не критерием умения играть Моцарта.

Выступления Афанасьева — всегда о другом. Музицирование — как разговор с залом понятным человеческим языком. Сегодня на подобное не способен ни один другой пианист. Но «говорящий» рояль Афанасьева никогда не занят пустой болтовней — из великой музыки непременно извлекается измерение вечности. Поэтому все, что Афанасьев играет, с одной стороны, лично, с другой — вселенски скорбно. Порывистый же Моцарт у него иногда близок к истерике.

Когда слушаешь Афанасьева, восприятие особенностей его пианизма остается на периферии сознания. Но как же все-таки сделан его Моцарт? В предельно медленных темпах доведена до крайности отдельность и полноценная жизнь каждой ноты гения. Окраска звука превращает каждую линию полифонии в самостоятельный голос. Паузы естественно высветляются, и тогда тишина ударяет по голове с разрядом самых громоподобных аккордов, которых у Афанасьева почти нет. При этом не ощутимо намеренное торможение, нет длиннот, не прерывается плавное течение звуковой линии — лишь

АЛЕКСАНДР РАТНИКОВ

неуклонно создается грандиозная конструкция. Почти мистическое мастерство владения роялем сплавлено у Афанасьева с напряжением души и размахом интеллекта.

Давно уединившийся в Версале русский музыкант Афанасьев ведет жизнь европейского интеллектуала, пишет романы, пьесы и эссе, довольно редко прерываясь для публичного музицирования. Но если он играет, то преподносит всегда ошарашивающий плод колоссальной мыслительной работы. Это известно в Москве еще со времен первых возвращений Афанасьева 10-летней давности с Брамсом, Шубертом, Бетховеном. Но тогда оригинальность его музицирования носила элемент сенсационности, вызывавшей массовое любопытство. Попасть на концерты было трудно. Сегодня он олицетворяет утерянную суть пианистического искусства, он — один из немногих, кого имеет смысл слушать. Этот смысл — в непростом труде, который слушатель затрачивает на переживание совсем нового Моцарта.

Выступление было посвящено памяти и предстоящему 85-летию великого Эмиля Гилельса, у которого Афанасьев учился. Наверное, Афанасьева можно назвать Гилельсом нового века. По крайней мере стало наконец ясно, что Моцарт бесмертен и почему бессмертен.